

18+

Радомир Веснин

Петля Кассиопеи

Психологическая фантастика

Радомир Веснин

**Петля Кассиопеи.
Психологическая фантастика**

«Издательские решения»

Веснин Р.

Петля Кассиопеи. Психологическая фантастика / Р. Веснин —
«Издательские решения»,

Что, если реальность — это сон, который мы согласились видеть вместе? Капитан Элара Векс летит к аномалии в Кассиопее, чтобы разбудить дочь из комы. С ней — учёный, одержимый кодом реальности, девушка, слышащая голоса, и старый солдат. Но в сердце аномалии их ждёт выбор: сон без боли или правда без надежды. Захватывающий космический триллер о материнской любви, тайнах Вселенной, петле времени и цене пробуждения. Книга для тех, кто ценит умную фантастику, психологическую драму и сильные эмоции.

© Веснин Р.

© Издательские решения

Содержание

Пролог: Сигнал из пустоты	6
Часть I. Сигнал	12
Глава 1. Пробуждение в Улье	12
Глава 2. Технология богов	21
Глава 3. Таксис — якорь реальности	29
Глава 4. Естественный дар	36
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Петля Кассиопеи

Психологическая фантастика

Радомир Веснин

Посвящается моей дочери Диане, которая научила меня слышать тишину.

© Радомир Веснин, 2026

ISBN 978-5-0071-1990-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог: Сигнал из пустоты

Станция называлась «Фантом-7».

Впрочем, названием это было только в формулярах. На деле — ржавая банка, затерянная на задворках колонизированного пространства, в сорока световых годах от ближайшего Улья и в бесконечности световых лет от всего, что имело значение.

Автоматический маяк. Ретранслятор. Обсерватория для тех, кому больше некуда было совать любопытный нос.

Станцию обслуживал один человек.

Звали его Итан Коул. Пятьдесят три года, из них двадцать три — в одиночестве. Бывший нейроинженер, бывший муж, бывший отец, бывший человек. Здесь, на «Фантоме-7», он был просто зрителем.

Человеком, который следит, чтобы реактор не погас, чтобы фильтры не засорились и чтобы дроны вовремя чистили солнечные панели от космической пыли.

Иногда ему казалось, что он сам покрывается такой же пылью.

— —

Это утро началось как все остальные.

Итан проснулся в пять ноль-ноль по бортовому времени. Хотя никакого «утра» здесь не было и быть не могло — за толстым стеклом иллюминатора висела одна и та же картина: бесконечная чернота, утыканная равнодушными звёздами.

Он сварил кофе из синтетических гранул, которые уже десять лет как не пахли кофе. Включил старую запись дождя — Земля, сектор Евро-Африка, звуки природы, архив 2117 года. Закрыв глаза на минуту, представил, что он снова там, на планете, где идёт настоящий дождь, где пахнет мокрой землёй и озоном.

Потом открыл глаза.

Вокруг была только чернота и звёзды.

Он сел за пульт.

Станция работала в штатном режиме. Девяносто три процента мощности. Температура реактора в норме. Связь с Центром — раз в неделю, короткий импульс: «Всё в порядке, жду указаний».

Указаний не поступало. Не поступало уже четыре месяца.

Итан допил кофе, поморщился и потянулся к сенсорной панели, чтобы запустить очередной цикл сканирования сектора. Работа смотрителя была простой: смотреть, записывать, отправлять.

Он смотрел на одни и те же звёзды уже двадцать три года.

Знал их имена, их спектральные классы, их капризы. Знал, когда какая вспыхнет, когда какая погаснет. Знал так хорошо, что иногда ему казалось — они его родственники. Далекие, холодные, молчаливые, но семья.

Единственная семья, которая у него осталась.

— —

Итан вспомнил, как оказался здесь.

Двадцать три года назад у него была жена. Анна. Тихая женщина с веснушками и звонким смехом. У них была дочь — Мила, семь лет, кудрявая, похожая на мать. Итан работал в корпорации «Глубинные сны», проектировал интерфейсы для нейрошунтов. Зарабатывал хорошо. Жили они в Улье «Надежда», одном из самых больших и благоустроенных.

Потом случился сбой.

Коллективный сон. Эпидемия двадцатых. Люди засыпали и не просыпались. Ни с того ни с сего. Падали на улицах, в домах, на работе.

Анна и Мила уснули в один день. Итан был в командировке, на дальней станции, калибровал оборудование. Когда вернулся, их уже увезли в медицинский сектор. Он сидел у их коек две недели, держал за руки, шептал обещания.

Они не очнулись.

Через полгода их отключили по протоколу. Слишком дорого содержать тела без надежды на пробуждение. Итан подписал бумаги. Потом напился в первый и последний раз в жизни. Потом уволился. Потом подал заявку на должность смотрителя «Фантома-7».

Больше никто не ждал его дома.

— —

Сканирование пошло.

Первые пятьдесят три системы — чисто. Данные ушли в архив. Итан зевнул, почесал небритый подбородок и потянулся за второй чашкой.

Пятьдесят четвёртая система.

Созвездие Кассиопеи. Звезда класса G2. Рядовой жёлтый карлик, чуть меньше Солнца, без планет, без астероидных поясов, без ничего. Пустота.

Таких звёзд в галактике миллиарды.

Итан уже собирался пролистнуть данные дальше, когда сенсоры взбесились.

Он замер с чашкой в руке, не донеся её до рта.

Показатели излучения пошли вверх. Не постепенно, не плавно, как положено при вспышке. Рывком. Скачком. График на мониторе выгнулся дугой, перечеркнул все допустимые нормы и пополз дальше, в зону, которая на приборах обозначалась красным и мигающей надписью «ОШИБКА ДАННЫХ».

— Что за черт... — пробормотал Итан.

Он отставил чашку и впился пальцами в сенсорную панель, выводя на главный экран изображение с телескопов.

Сорок световых лет — не расстояние для современных сенсоров. Станция выдала картинку через семнадцать секунд.

Итан смотрел на неё ещё тридцать.

Потом у него остановилось сердце.

На мгновение. Всего на мгновение. А потом заработало снова, заколотилось где-то в горле, в висках, в кончиках пальцев, которые вдруг онемели и перестали слушаться.

Звезда пульсировала

Не так, как пульсируют звёзды. Не ритмично, не по законам термоядерного синтеза. Она пульсировала, как живое существо. Как сердце. Как мозг. Волны расходились от неё концентрическими кругами, и там, где они проходили, пространство искажалось.

Итан видел это своими глазами — звёзды позади гасли, искривлялись, исчезали и появлялись снова, но уже не на тех местах.

А потом картинка дернулась и сменилась.

Итан закричал.

Потому что звезды больше не было.

Вместо неё висел нейрон.

Огромный, бесконечный, пульсирующий живой тканью отросток, соединённый с тысячами таких же отростков, уходящих в никуда, в темноту, за пределы видимости. Он занимал всё пространство, которое секунду назад занимала звезда. Он дышал. Он жил.

И в центре его, там, где у нейрона должно быть ядро, пульсировала структура.

Итан узнал её.

Он был нейроинженером. Двадцать три года назад он проектировал интерфейсы «Сновидений». Он знал анатомию человеческого мозга так, как другие знают карту родного города.

То, что висело в центре нейрона, было человеческим мозгом.

Колоссальным. Невообразимым. Размером с целую звёздную систему.

— —

— Этого не может быть, — прошептал Итан.

Голос прозвучал чужим. Тонким, испуганным. Голосом мальчика, а не мужчины, который прожил в одиночестве двадцать три года.

Он потянулся к пульту, чтобы перезапустить сканирование. Проверить. Убедиться, что это сбой.

Рука дрожала

Он промахнулся, нажал не ту кнопку. Экран мигнул, и изображение пропало.

Осталась только звезда.

Обычная жёлтая звезда класса G2. Без пульсаций. Без искажений. Без нейронов и без мозга.

Но Итан знал, что видел.

Он знал.

Он сидел, глядя на экран, и чувствовал, как холодный пот стекает по спине. В груди что-то сжалось — не сердце, что-то другое, то, что он называл интуицией. Она кричала: «Ты не один. Там кто-то есть».

— Кто? — спросил он в пустоту.

Никто не ответил.

— —

Руки тряслись, когда он открыл защищённый канал связи.

Не тот, которым пользовался раз в неделю для рапортов Центру. Другой. Личный. Старый, ещё с тех времён, когда он был инженером, когда у него были друзья, когда был смысл хранить чужие контакты.

Он нашёл нужное имя.

Элара Векс.

Женщина, с которой они вместе учились двадцать пять лет назад. Которая пошла в операторы, а потом в капитаны, а потом пропала с радаров, как и все остальные. Он не знал, жив ли её код. Не знал, дойдёт ли.

Но выбора не было.

Он прикрепил файл.

И написал только одно слово:

«ПОСМОТРИ»

Потом откинулся в кресле и закрыл глаза.

Сердце всё ещё колотилось. В ушах шумело. Он попытался вспомнить, когда в последний раз чувствовал такой страх.

Наверное, никогда

Даже когда Анна уходила. Даже когда Мила сказала в последний раз «папа, не улетай». Даже когда его списали сюда, на край света, — даже тогда не было так страшно.

Потому что тогда он знал, что реальность существует. Что есть Земля, есть Ульи, есть люди, есть звёзды.

А теперь...

Теперь он не знал ничего.

— —

Итан открыл глаза и снова посмотрел на экран.

Звезда висела на месте. Спокойная. Ровная. Мёртвая.

Но Итану показалось, что она улыбается.

Он просидел в кресле до следующего цикла сканирования. А потом до следующего. А потом ещё.

Он не спал. Не ел. Просто смотрел на звезду и ждал.

Звезда молчала

Через семнадцать часов у Итана остановилось сердце во второй раз.

В этот раз — навсегда.

Он не почувствовал боли. Только холод, разливающийся по груди, и странное облегчение. Как будто кто-то прошептал: «Ты сделал всё, что мог. Теперь можно отдохнуть».

Он улыбнулся.

Потом провалился в темноту.

Станция «Фантом-7» замолчала.

Сигнал бедствия не пошёл — некому было его отправить. Реактор проработал ещё три дня, а потом заглох. Системы жизнеобеспечения отключились. Температура внутри упала до минус ста.

Тело Итана Коула замерзло в кресле перед погасшим экраном.

Но сообщение ушло.

Оно летело сквозь пустоту сорок световых лет, обгоняя свет, огибая гравитационные колодцы, проскальзывая сквозь помехи. Оно несло в себе слово «ПОСМОТРИ» и кадры того, чего не могло быть.

Оно летело к Эларе Векс.

К женщине, которая через несколько часов проснётся в капсуле «Сновидений» и увидит то, что увидел он.

К женщине, которой предстоит узнать правду.

К женщине, которой предстоит выбрать: спасти галактику или спасти дочь.

Итан Коул не знал, что его сообщение станет началом конца.

Или началом всего.

Он просто сидел в замёрзшем кресле, с открытыми глазами, и смотрел на звезду, которая больше не была звездой.

А звезда смотрела на него.

Часть I. Сигнал

Глава 1. Пробуждение в Улье

Она падала.

Элара Векс всегда просыпалась так — резко, будто проваливалась в собственное тело с огромной высоты. Сердце долбило где-то в горле, лёгкие хватали воздух, которого не хватало, хотя мониторы жизнеобеспечения ввали, что всё в порядке.

Капсула «Сновидений» открылась с тихим шипением.

Облачко холодного пара ударило в лицо. Гелевая прослойка, в которой она парила последние восемь часов, стекла с кожи липкими дорожками. Химическая свежесть смешалась с запахом озона и чужого пота — вчерашняя смена дала о себе знать.

Элара моргнула, сбрасывая с ресниц остатки сна, и села.

Перед глазами ещё плыли образы. Бескрайнее звёздное поле, которое она ткала из собственных нейронов для группы новичков-операторов. Чужие страхи, оседающие на языке металлическим привкусом. Чей-то кошмар о падении в чёрную дыру — ей пришлось гасить его на подлёте, вручную перестраивая синаптические связи.

Работа капитана-наставника в Улье никогда не заканчивалась по-настоящему. Даже когда тело отдыхало, мозг продолжал штопать чужие сны.

Она провела ладонью по лицу, стирая остатки геля, и взглянула на левое запястье.

Тонкая светящаяся линия под кожей пульсировала в такт сердцу. Идентификатор, хронометр, датчик здоровья и пропуск во все двери Улья одновременно. Время: 05:47 по бортовому.

Она проспала на сорок семь минут дольше нормы.

— Чёрт

Голос сел. В горле першило, будто она всю ночь кричала. Может, так и было. Иногда во сне она звала Лиру.

Элара откинула прозрачный колпак капсулы и спустила ноги на пол.

Металлическая решётка под босыми ступнями была холодной до ломоты. Система терморегуляции в этом секторе барахлила уже вторую декаду, и Совет Ульева традиционно не спешил выделять ресурсы на ремонт «неприоритетных объектов». А капсульный зал, где операторы отсыпались после смен, был именно таким объектом.

Неприоритетным.

Она поднялась.

Тело ныло привычно — колени, поясница, шея. Сорок три года. Для эпохи, когда люди жили по полтора ста, это был расцвет. Но тело, которое десять лет назад гоняло по зонам боевых действий, помнило каждую перегрузку, каждую контузию, каждую ночь без сна в хреновом кресле истребителя.

Теперь оно напоминало об этом исправно. Каждое утро.

Раздевалка примыкала к залу прямо — узкая кабинка с душем и шкафчиком. Элара встала под тугие струи воды, закрыла глаза и позволила себе минуту слабости.

Тепло разгоняло кровь.

Уносило остатки сновидений.

Возвращало в реальность.

Реальность, в которой у неё было ровно двадцать три минуты, чтобы добраться до жилого сектора, переодеться и успеть на утренний брифинг. Там старший координатор Роуч опять будет вещать о повышении эффективности труда и снижении нагрузки на нейросети.

Она ненавидела Роуча.

Ненавидела его скользкий голос, его идеально выбритое лицо и его умение говорить важные вещи таким тоном, будто он зачитывает инструкцию к гигиеническому дрону. Но Роуч был начальством, а начальство в Ульях не выбирают. Терпят.

Вода кончилась.

Элара шагнула в кабинку, вытерлась жёстким полотенцем и открыла шкафчик.

На внутренней стороне дверцы висела фотография.

Девочка лет семи. Тёмные волосы, такие же, как у Элара. Улыбка, в которой не хватало двух передних зубов. Глаза — большие, любопытные, с искрой, которая могла зажечь звёзды.

Лира

Имя, которое Элара повторяла про себя каждый раз, когда хотелось послать всё к черту и уйти в автономное плавание за пределы колонизированного пространства.

Лира лежала в медицинском крыле уже двести семнадцать дней.

Кома

Диагноз, который врачи ставили с таким видом, будто это не приговор, а просто временное неудобство. «Нейронная перегрузка», «сенсорный шок», «возможная регенерация синаптических связей». Красивые слова, за которыми пустота.

Ли́ра не просыпалась.

Её тело жило — дышало, переваривало питательные смеси, даже реагировало на свет. Но девочка, которая смеялась и дразнила мать за вечную усталость, ушла. Ушла в себя, в сон, из которого Э́лара не могла её вытащить.

Интерфейсы «Сновидений» не работали на коматозниках. Слишком хаотичный сигнал, слишком высокая вероятность убить пациента окончательно.

Э́лара коснулась пальцами фотографии, провела по контуру лица дочери.

— Я скоро приду, — сказала она тихо. — Потерпи ещё немного.

— —

Одежда нашлась на месте.

Форменный комбинезон цвета индиго с нашивками капитана-наставника. Лёгкие армейские ботинки на микропористой подошве. Тонкий плащ с терморегуляцией.

Э́лара оделась за две минуты, на ходу собирая волосы в тугой узел на затылке. В зеркало старалась не смотреть. Там, в отражении, жила женщина с запавшими глазами и преждевременными морщинами в углах губ. Та, кого она не хотела узнавать.

Она уже взялась за дверную ручку, когда комм на запястье пискнул.

Сообщение

Не по защищённому каналу Улья. По старому, личному коду, который знали только двое: её бывший напарник, списанный в архив где-то на окраине, и...

Э́лара остановилась.

Поднесла запястье к глазам.

Сообщение пришло от Итана Коула.

Она открыла файл.

Вспышка.

Э́лара зажмурилась, потому что изображение, хлынувшее прямо в нейросеть через незащищённый канал, оказалось слишком ярким. А потом — слишком странным.

Звезда

Обычная жёлтая звезда, каких миллиарды.

Но она пульсировала.

Не хаотично, не по законам физики — ритмично. Как сердце. Как мозг. Пульсация шла волнами, и каждая волна оставляла за собой искажение — пространство вокруг звезды дрожало, плавилось, стекало в никуда.

А потом изображение сменилось.

Элара увидела не звезду. Она увидела нейрон. Гигантский, размером с систему, отросток живой ткани, пульсирующий в вакууме, соединённый тысячами синапсов с пустотой.

И в центре этого нейрона — структура.

Знакомая структура, которую она видела тысячу раз в учебниках, в медотчётах, в капсулах «Сновидений».

Человеческий мозг.

Колоссальный. Невообразимый. Занимающий всё пространство.

Сообщение оборвалось. Экран погас.

Элара стояла посреди пустого коридора, ведущего из капсульного зала в транспортную галерею, и смотрела на погасшее запястье.

Сердце колотилось где-то в горле, как всегда после пробуждения. Только теперь это был не рефлекс.

Это был страх.

Потому что она узнала эту структуру. Эти извилины, эти доли. Она видела их каждую ночь, когда засыпала и проваливалась в собственные сновидения. Она видела их в лицах людей, которых учила. Она видела их в сканах мозга дочери, которые врачи показывали ей с сочувственными минами.

Мозг, который она только что увидела, был точной копией человеческого.

Только колоссальный. Размером с звёздную систему.

— —

Комм пискнул снова.

На этот раз официальный вызов. Штаб Улья. Канал экстренной связи.

— Капитан Векс, — голос диспетчера звучал непривычно напряжённо, без обычной скупающей интонации. — Вам надлежит явиться в зал экстренных совещаний сектора «Альфа». Немедленно. Вопрос первостепенной важности.

Элара сглотнула. Горло пересохло, будто она глотала песок.

— Принято

Она отключила связь и сделала шаг к транспортному тоннелю.

Улей «Надежда» никогда не спал по-настоящему. Даже в пять утра здесь кипела жизнь — не парадная, не та, что показывали в рекламных роликах для новобранцев, а та, настоящая. Тусклая, шумная, пахнувшая переработанным воздухом и дешёвым синтетическим маслом. Галерея тянулась на километр вперёд, и по обе стороны от неё громоздились ярусы жилых модулей, технических пристроек и торговых лавок, торгующих всем, что можно было украсть, починить или собрать из списанных деталей.

Когда-то, на заре эпохи, эти станции называли иначе. Проект «Кокон» — сухое инженерное название, лишённое поэзии. Инженеры мыслили в категориях защиты и выживания: замкнутая экосистема, автономное жизнеобеспечение, контролируемая среда. Но прошли десятилетия, и слово «Кокон» ушло из живого языка, сменившись другим — «Улей». Шести-гранные секции, бесконечные ярусы, туннели-переходы, напоминающие соты. Люди не жили в Коконках — они жили в Ульях. И это меняло восприятие: не временное убежище, а постоянный дом. Пусть тесный. Пусть лишённый неба.

«Надежда» была Улем среднего класса — не элитным, но и не нищим. Здесь было искусственное солнце, которое включалось в шесть утра. Здесь были парки с синтетической травой. Здесь были школы, больницы, заводы и, конечно, капсулы «Сновидений» — главный ресурс, вокруг которого вращалась экономика.

Но здесь же были и места, которых не существовало на официальных картах. Элара свернула в боковой коридор, чтобы срезать путь к медицинскому крылу, — и тут же пожалела.

Узкий проход между двумя старыми реакторными шахтами. Местные называли его «Рынком Снов».

Здесь не было вывесок. Только тусклые лампы, ворованный свет, складные стулья и десятки людей, сидящих вдоль стен. Перед каждым стоял небольшой аппарат — кустарный нейроинтерфейс, собранный из списанных деталей и соединённый проводами с общим распределительным щитом, который гудел и искрил под потолком.

— Сны, — прошептала Элара, замедляя шаг. — Они продают сны.

Она слышала об этом. В нижних секторах Улья, где у людей не было денег на лицензированные капсулы «Сновидений», возник чёрный рынок. Умельцы перехватывали сигналы из коллективного бессознательного — слабые, обрывочные, — и продавали их всем желающим за копейки. Час чужого сна. Час чужой жизни. Час побега от своей.

Женщина лет сорока сидела на продавленном ящике, откинув голову к стене. На висках у неё крепились самодельные шунты — грубые, с торчащими проводами, замотанными изолентой. Глаза её были закрыты, но по лицу текли слёзы. Она улыбалась. Ей снилось что-то хорошее — может быть, дом, которого у неё никогда не было. Может быть, ребёнок, которого она потеряла. Может быть, просто солнце. Настоящее, не искусственное.

Рядом с ней сидел старик. Он не спал — просто смотрел в стену пустыми глазами, и в руке у него дымилась самокрутка из синтетического табака.

— Первый раз здесь, капитан? — спросил он, не глядя на Элару.

— Первый, — ответила она, хотя не обязана была отвечать.

— А я здесь каждый день. — Старик затянулся, выпустил дым. — У меня внучка спит. Уже три года. В коме, как ваша дочка.

Элара вздрогнула.

— Откуда вы знаете про мою дочь?

— Здесь все всё знают. — Старик усмехнулся беззубым ртом. — Вы же капитан Векс. Героиня Тау Кита. Мать девочки, которая не просыпается. — Он кивнул на спящую женщину. — Она вот тоже мать. Тоже потеряла сына. Только у неё нет корабля, чтобы лететь к звёздам. У неё есть только это. — Он указал на самодельный интерфейс. — Час сна за три кредита. Там, во сне, её сын ещё жив. Там ей есть кого любить.

Элара смотрела на спящую женщину, и что-то внутри неё сжималось в тугий узел.

— А вы? — спросила она старика. — Вы тоже покупаете сны?

— Я? Нет. — Он покачал головой. — Я боюсь. Мне снятся не те, кого я потерял. Мне снится пустота. И голос, который говорит: «Иди ко мне». Я не хочу к нему идти.

Элара перевела взгляд на интерфейсы. На провода, на искрящийся щит, на лица людей, которые платили последние кредиты за час иллюзии.

— Почему их не запретят? — спросила она. — Совет Ульев должен...

— Совету плевать. — Старик сплюнул на пол. — Пока мы платим налоги и не устраиваем бунтов, мы можем спать хоть стоя. Им даже выгодно: чем больше людей во сне, тем меньше ртов кормить. Так было с самого начала. Ещё когда первые Коконь строили — обещали, что это временно, что мы вернёмся на Землю. — Он горько усмехнулся. — Теперь про Землю только в сказках рассказывают. А мы всё ждём. И спим. И ждём.

Элара хотела возразить, но слова застряли в горле. Она знала, что он прав. Совет Ульев десятилетиями закрывал глаза на чёрные рынки Сновидений. Не из милосердия. Из прагматизма. Спящие не бунтуют. Спящие не требуют улучшения условий. Спящие просто исчезают — в своих коконах внутри Коконь.

— Мне пора, — сказала она.

— Конечно. — Старик кивнул. — Вы спешите. У вас есть шанс. А у нас... у нас только это. — Он махнул рукой в сторону спящих. — Но знаете, капитан, я вам завидую. Вы хотя бы летите. А мы остаёмся здесь. В пыли. В Улье, который когда-то называли Надеждой.

Элара вытащила из кармана горсть кредитных чипов — всё, что было при себе, — и положила на ящик рядом со стариком.

— Раздайте им, — сказала она. — Тем, кто не может заплатить.

Старик посмотрел на чипы, потом на неё. В его глазах мелькнуло что-то — не благодарность, скорее усталое удивление.

— Вы думаете, это поможет?

— Нет. — Элара покачала головой. — Но это всё, что я могу сейчас.

Она пошла дальше. Старик смотрел ей вслед, пока она не скрылась за поворотом.

— —

В медицинском крыле её встретила тишина.

Здесь не было ни торговцев, ни спящих на ящиках, ни самодельных интерфейсов. Только белые стены, запах стерильности и мерный писк мониторов. Элара шла по коридору к своей дочери и думала о женщине с Рынка Снов. О том, как она улыбалась во сне. О том, что где-то там, в глубине коллективного бессознательного, её сын всё ещё жив.

Может быть, он даже счастлив.

Может быть, он не хочет возвращаться.

Палата 41-Б была в конце. Она знала этот путь наизусть. Каждый день, спешила по этим коридорам, иногда по два-три раза за день. Знала, где скрипит половица, где тускнеет светильник, где на стене чья-то невидимая рука нацарапала «здесь умирают надежды».

Она не смотрела на надпись. Никогда не смотрела. Она и жила только этой надеждой.

Элара остановилась у двери в палату, прижалась лбом к холодному металлу.

— Я не знаю, что правильно, — прошептала она. — Я знаю только, что люблю её. И что этого должно быть достаточно.

Она открыла дверь и вошла.

— —

В палате было тихо.

Только мерный писк мониторов и шелест системы вентиляции. Лира лежала на койке, укрытая тонким одеялом. Тёмные волосы разметались по подушке, лицо бледное, почти прозрачное. Ресницы чуть подрагивали — во сне она двигалась. Бегала, наверное. Или летала.

Элара села на стул у койки, взяла дочь за руку.

Рука была тёплой. Почти горячей.

Хороший знак — врачи говорили, что температура конечностей говорит о сохранном кровообращении. Плохой знак — ничего не говорили, потому что говорить было нечего.

— Привет, малышка, — сказала Элара тихо. — Я пришла.

Лира молчала.

Она всегда молчала.

Слёзы текли по щекам, и Элара не вытирала их. Здесь, в этой палате, можно было не держать лицо. Здесь можно было быть просто матерью.

Она вспомнила, как Лира впервые сказала «мама». Было ей тогда чуть больше года. Элара как раз вернулась из рейда, усталая, злая, перемазанная машинным маслом. Девочка сидела на полу, обложенная игрушками, подняла голову и сказала чётко, звонко: «Мама».

В тот день Элара впервые за много лет плакала от счастья.

Потом были другие дни. Первый зуб, первый шаг, первая разбитая коленка. Лира росла быстрой, любопытной, задавала вопросы, на которые Элара не всегда знала ответы. «Почему звёзды не падают?», «Где живут сны?», «Почему ты всегда уходишь?».

Последний вопрос был самым больным.

— —

Она просидела у койки ещё семь минут.

Семь минут, которые стоили ей целой вечности. Элара гладила дочь по волосам, целовала в лоб, шептала что-то бессвязное, тёплое, настоящее.

Потом посмотрела на часы.

06:17

Брифинг в 06:30. Она уже опоздала, но Роуч подождёт. Или нет. Какая разница.

Она наклонилась и поцеловала дочь в лоб. Кожа была тёплой, пахла больницей и чем-то ещё — тем особенным запахом, который бывает только у детей.

— Я люблю тебя, — сказала Элара. — Никогда не забывай.

Она встала.

У двери обернулась.

Лира лежала неподвижно, тёмные волосы на белой подушке, тонкие руки поверх одеяла. Маленькая, хрупкая, беззащитная.

И — живая.

Монитор пищал ровно.

Элара вышла в коридор, прислонилась спиной к стене и медленно сползла, сжимая кулаки, и пыталась не думать о том, что видела. Потому что если думать — можно сойти с ума.

А сходить с ума ей было некогда.

Она ещё не знала, что сигнал из Кассиопеи адресован именно ей. Что кома дочери и аномалия в далёком созвездии связаны. Что спасение галактики обойдётся ей дороже, чем она могла вообразить.

Но она чувствовала, что цепь событий запустилась не случайно и грядёт что-то по настоящему грандиозное.

У неё оставалось три минуты до брифинга и целая вечность впереди.

Глава 2. Технология богов

Она опоздала на семь минут.

Когда Элара влетела в зал экстренных совещаний сектора «Альфа», там уже были все. Роуч — старший координатор — стоял у голографического стола с таким видом, будто лично предотвратил конец света и теперь ждал благодарности. Двое техников из отдела дальней связи копошились в углу с переносными сенсорами.

И ещё один человек, которого Элара не ожидала увидеть никогда.

Доктор Риан Келл.

Он стоял у окна — у настоящего окна, выходящего в космос, роскошь, доступную только высшим чинам Улья, — и смотрел на звёзды. Спина прямая, руки сложены за спиной, седина на висках поблескивает в холодном свете далёкого солнца. Он не обернулся, когда Элара вошла.

— Капитан Векс, — голос Роуча сочился ядом. — Как любезно с вашей стороны присоединиться к нам. Надеюсь, вы не задержали межгалактический кризис по личным причинам?

Элара промолчала. Она смотрела на Келла.

Двадцать лет. Именно столько прошло с тех пор, как они виделись в последний раз. Тогда он был просто перспективным нейрофизиологом, молодым, амбициозным, с горящими глазами и манией величия, которую ещё можно было списать на юношеский максимализм. Теперь глаза не горели. Теперь они смотрели спокойно, холодно, изучающе. Как смотрят на подопытный образец.

— Капитан, — Келл наконец повернулся и слегка кивнул. — Рад видеть, что вы всё ещё в форме. Слышал, вы осели в наставниках. Достойное применение для такого таланта.

В его голосе не было иронии. Вообще ничего не было. Пустота.

— Доктор, — Элара ответила таким же тоном. — Не знала, что вы вернулись в Ульи. Думала, вы пропали где-то в глубинах после того инцидента с «Солярисом».

Она ударила наугад, но попала. Келл едва заметно дёрнул щекой. Всего на долю секунды. Но Элара заметила.

— «Солярис» был... экспериментальным проектом, — Келл сделал паузу, словно взвешивая каждое слово. — Результаты оказались неоднозначными. Но опыт, полученный там, бесценен. Особенно сейчас.

Роуч кашлянул, привлекая внимание.

— Если вы, гении, закончили мериться регалиями, может, перейдём к делу? У нас, знаете ли, чрезвычайная ситуация.

Он махнул рукой, и голографический стол засветился.

— —

Элара сжала зубы. Она знала, что увидит.

Звезда. Кассиопея. Класс G2. И пульсация, которую невозможно объяснить.

— Это пришло три часа назад со станции «Фантом-7», — Роуч ткнул пальцем в голограмму. — Станция замолчала сразу после отправки. Дрон-разведчик, посланный на подлёт, тоже исчез. Но данные... данные успели прийти.

Пульсация на голограмме усилилась. Элара смотрела, как звезда искажается, как пространство вокруг неё плавится, как появляется и исчезает та структура, которую она уже видела.

Нейрон. Мозг. Колоссальный, невообразимый. Такой, что звёзды могли бы поместиться в его извилинах.

— Что это? — спросила она тихо.

— Хороший вопрос, — Келл шагнул к столу. — На который у нас пока нет ответа. Но есть гипотезы.

Он коснулся сенсорной панели, и голограмма изменилась. Теперь они смотрели на схему — сложное переплетение линий, узлов, связей.

— Я проанализировал сигнатуру аномалии. Частота пульсаций, спектр излучения, гравитационные искажения. Знаете, чему это соответствует?

Элара молчала. Она уже знала ответ.

— Альфа-ритмам человеческого мозга, — Келл произнёс это с благоговением, от которого у Элара похолодела спина. — Та же частота, та же амплитуда, те же модуляции. То, что мы видим в Кассиопее, — не звезда. И не чёрная дыра. Это... разум.

Роуч побледнел

— Вы хотите сказать, там кто-то есть?

— Не кто-то, — Келл покачал головой. — Что-то. Нечто, состоящее из чистой мысли. Или породившее мысль. Или... — он сделал паузу, — ставшее мыслью.

— —

— Какое это имеет отношение к нам? — спросила она жёстко. — Пусть аномалия делает что хочет. До Кассиопеи сорок световых лет. Там нет колоний, нет ресурсов, нет ничего. Зачем мы здесь?

Келл посмотрел на неё с лёгким удивлением, словно ребёнок, который не понимает, почему взрослые не видят очевидного.

— Потому что она растёт, капитан. За семнадцать часов с момента первого наблюдения аномалия увеличилась в размерах на три процента. Если экстраполировать... — он щёлкнул пальцами, и на голограмме появилась новая линия. — Через полгода она достигнет первой обитаемой системы. Через год поглотит три Улья. А через пять лет...

Он замолчал.

— Через пять лет? — переспросил Роуч.

— Через пять лет от колонизированного пространства ничего не останется, — закончил Келл. — Аномалия пожирает реальность. Или преобразует её. Или... неважно. Важно то, что если мы ничего не сделаем, всё, что мы знаем, перестанет существовать.

В зале повисла тишина.

Элара слышала, как гудит система вентиляции. Как тикают часы на стене. Как стучит её собственное сердце.

— —

— Что вы предлагаете? — спросила она.

Келл улыбнулся. Впервые за весь разговор. Улыбка была тонкая, холодная, чуть безумная.

— Мы отправим туда экспедицию. Корабль, способный погружаться в «Сновидения» для сверхсветовых прыжков. Команду операторов высшего уровня. И оборудование, которое позволит... поговорить с аномалией.

— Поговорить? — Роуч фыркнул. — Вы собрались вести переговоры с куском пространства, которое жрёт звёзды?

— Это не кусок пространства, — терпеливо объяснил Келл. — Это разум. А любой разум можно понять. Если у тебя есть правильный инструмент.

Он посмотрел на Элару.

— И правильный капитан.

Элара встретила его взгляд.

— Я не полезу в это дерьмо.

— Полезете, — Келл сказал это спокойно, без давления. — Потому что у вас есть дочь.

Элара шагнула к нему. Быстро, почти незаметно. Один шаг. Но в этом шаге было столько угрозы, что Роуч попятился.

— Не смейте говорить о моей дочери.

Келл даже не моргнул.

— Я говорю о медицине, капитан. Ваша дочь в коме. Диагноз — нейронная перегрузка неясной этиологии. Мы не знаем, почему она не просыпается. Но теперь... — он кивнул на голограмму. — Теперь у меня есть гипотеза.

Элара замерла.

— Объясните.

— Частота пульсаций аномалии совпадает с активностью мозга вашей дочери. Не просто совпадает — идентична. С точностью до тысячных. Я проверил данные из медицинского крыла, прежде чем вызвать вас сюда. — Келл выдержал паузу. — Ваша дочь и то, что находится в Кассиопее, связаны. Я не знаю как. Но связь есть.

В зале стало очень холодно.

Элара смотрела на Келла и пыталась понять, врёт он или нет. Келл был гением. И был безумцем. Грань между этими двумя состояниями он перешёл давно и безвозвратно. Но данные... данные не врут. Она знала это лучше других.

— Если я полечу, — сказала она медленно, — что будет с Лирой?

— Лучшее лечение, — Келл пожал плечами. — Возможно, единственное. Если мы поймём природу аномалии, мы поймём природу её комы. И сможем разбудить.

— —

В этот момент дверь зала открылась, и вошёл ещё один человек.

Элара узнала его сразу, ещё до того как повернула к нему голову. Таксис. Бывший солдат, техник-оператор, её напарник по Тау Кита. Он был в потёртом комбинезоне, с жёстким, обветренным лицом и светящимися под кожей имплантами. Лучший «якорь» в Улье.

— Простите за опоздание, — сказал он, ни к кому конкретно не обращаясь. — Калибровал якоря. Если мы собрались нырять в эту дыру, то уж лучше на исправном оборудовании.

Роуч поморщился, но промолчал.

Таксис и Элара встретились взглядами, молча одновременно кивнули друг другу. Элара почувствовала лёгкую волну внутри — их связывало далёкое прошлое. Хотя с тех пор они не общались, но она часто вспоминала о нём. И вот, неожиданная встреча.

Таксис перевёл взгляд на голограмму. На пульсирующую аномалию. На мозг размером со звёздную систему.

— Это и есть тот самый конец света? — спросил он.

— Он самый, — ответил Келл.

— Красиво. — Таксис подошёл к столу, вглядываясь в структуру. — И очень знакомо.

— Что вы имеете в виду? — спросил Келл.

— Я вижу такое каждую ночь. Во сне. — Таксис усмехнулся горько. — Только там этот мозг — мой.

Никто не засмеялся.

Элара смотрела на Таксиса, и в голове щёлкало что-то важное. Он тоже видел? Тоже чувствовал? Сколько ещё людей аномалия коснулась, сама того не зная? Она поймала себя на мысли, что слишком долго смотрит на него. Эла соберись!

— Команда? — спросила она, возвращая разговор в деловое русло.

Роуч засуетился, явно обрадованный тем, что разговор перешёл в практическую плоскость.

— Лучшие из лучших. Операторы, техники, охрана. Корабль — «Кронштадт», новейший носитель класса «Глубинный». Способен погружаться в Сновидения на девяносто процентов глубже обычных судов.

— «Кронштадт», — повторила Элара. — Тот самый, что проектировали для разведки за пределами галактики?

— Он самый. — Роуч почти светился гордостью. — Никогда не использовался по назначению. Слишком дорогой, слишком сложный. Но для этой миссии... лучшего варианта нет.

Элара кивнула.

— Кто ещё?

— Таксис, — Роуч указал на него. — Будет вашим «якорем» в реальности.

— Я знаю, кто он, — сказала Элара. — Мы служили вместе.

— Давно, — отозвался Таксис. — В другой жизни.

— Ещё Нова, — продолжил Роуч. — Молодая, девятнадцать лет. Естественный сновидец.

— Естественный? — Элара подняла бровь. — Таких почти не осталось.

— Потому что их всех забрали в лаборатории, — вставил Келл. — Но эту мы не трогали. Слишком сильный дар, слишком нестабильный. Она видит сны, которые видеть нельзя. Чувствует то, что чувствовать невозможно. Если кто-то и сможет расшифровать сигналы аномалии, то только она.

— И вы, доктор, — Элара посмотрела на Келла. — Вы тоже летите.

— Разумеется. — Келл улыбнулся своей холодной улыбкой. — Я создал технологию Сновидений. Кто лучше меня сможет применить её по прямому назначению?

— Вы создали технологию, которая едва не уничтожила «Солярис», — напомнила Элара, её кулаки непроизвольно сжались.

— Эксперименты требуют жертв. — Келл пожал плечами. — Но результаты того стоили.

— —

Элара смотрела на него и понимала: этому человеку нельзя доверять. Ни на секунду. Ни в чём. Но без него миссия провалится. А без миссии Лира...

— Когда вылет? — спросила она.

— Через сорок восемь часов, — ответил Роуч. — Совет Ульев уже утвердил миссию. Вы получите полный доступ к ресурсам. Вопрос только в одном: вы согласны, капитан?

Элара перевела взгляд на голограмму. Звезда пульсировала. Нейронная сеть дышала. Мозг в центре смотрел на неё пустыми глазницами извилин.

Она думала о Лире. О маленькой девочке, которая лежит в белой палате и видит сны, из которых нет выхода. О счастливых годах, которые она прожила после рождения дочери. О том, что готова на всё ради неё.

— Я согласна, — сказала она.

Таксис хмыкнул, скрестив руки на груди.

— Значит, летим в самое сердце безумия. Компания подобралась ещё та.

— У вас есть возражения? — спросил Роуч.

— Возражения? — Таксис усмехнулся. — У меня их сотня. Но вы же не спросите, захочу ли я остаться. Скажете — надо, значит, надо. — Он посмотрел на Элару. — Я в деле, капитан. Но если начнётся совсем ад, я буду держать якорь, сколько смогу. А когда перестану — вытаскивайте меня сами.

— Вытащу, — сказала Элара. — Как тогда, в Тау Кита.

— Тогда я горел. — Таксис потер плечо, где под кожей пульсировал имплант. — Теперь я просто старый и злой. Это хуже.

— —

Келл отключил голограмму, и звезда исчезла.

— У вас двое суток, капитан, — сказал он. — Познакомьтесь с командой, изучите корабль. Я пришлю вам все данные по аномалии. И по вашей дочери.

Он выделил последние слова, и Элара почувствовала, как внутри поднимается холодная волна.

— Что значит «по моей дочери»?

— Я провёл дополнительный анализ. — Келл достал планшет, вывел на экран график. — Вот активность мозга Лиры за последние сутки. А вот — частота пульсаций аномалии.

Две линии на графике шли параллельно. Идентично. С точностью до тысячных.

— Они синхронизированы, — сказал Келл. — Каждый раз, когда аномалия пульсирует, мозг вашей дочери отвечает той же частотой. Это не совпадение.

Элара смотрела на график, чувство гнева сменялось на страх, пальцы её дрожали.

— Что это значит?

— Это значит, что ваша дочь не просто больна. Она связана с аномалией. Возможно, она — её часть. Или аномалия — часть её. — Келл убрал планшет. — Мы поймём это, когда доберёмся до места.

— А если не поймём?

— Тогда ваша дочь никогда не проснётся.

В зале повисла тишина. Элара стояла, вцепившись в край стола, и чувствовала, как реальность уходит из-под ног.

Лира — часть этого. Часть мозга размером со звёздную систему.

— Я разберусь, — сказала она. Голос был твёрдым, хотя внутри всё дрожало. — Я разберусь и верну её.

Келл кивнул

— Я в этом не сомневаюсь, капитан. Поэтому вы здесь.

Он развернулся и вышел из зала, оставив после себя запах дорогого одеколона и чего-то ещё — неувидимого, холодного, опасного.

Роуч засуетился, собирая документы.

— Вопросы есть? Нет? Тогда готовьтесь. «Кронштадт» скоро стартует.

Он тоже вышел.

Элара осталась в зале одна. Только Таксис стоял у окна, глядя на звёзды.

— Ты веришь ему? — спросил он, не оборачиваясь.

— Келлу? Нет.

— А данным?

Элара помолчала.

— Данные не врут.

— Данные можно подделать. — Таксис повернулся. — Но я видел этот график. И видел твою дочь. Она действительно пульсирует в такт с этой штукой.

— Откуда ты знаешь?

— Я был в медицинском крыле. Проверял якоря на совместимость с системами жизнеобеспечения. Зашёл посмотреть на неё. — Он помолчал. — Она похожа на тебя.

— Я знаю

— И на меня. — Таксис усмехнулся криво. — Та же упрямая складка губ.

Элара не нашлась, что ответить.

Они стояли рядом, глядя на звёзды, и каждый думал о своём. О тех, кого потеряли. О тех, кого ещё можно спасти. О цене, которую придётся заплатить.

— —

— Пойдём, — сказала наконец Элара. — Надо готовиться. Сорок восемь часов — это меньше, чем кажется.

— Для такого полёта и ста лет мало, — ответил Таксис.

Они вышли в коридор и пошли в сторону транспортного терминала.

В медицинском крыле, в палате 41-Б, монитор, подключённый к телу Лиры Векс, зафиксировал всплеск мозговой активности. Самый сильный за всё время комы.

Девочка улыбнулась во сне.

Глава 3. Таксис — якорь реальности

Он стоял в ангаре, прислонившись спиной к многотонному контейнеру с запчастями, и наблюдал за погрузкой.

«Кронштадт» висел в центре огромного пространства — серый, хищный, с обводами, которые резали глаз своей неправильностью. Корабль класса «Глубинный» проектировали не для красивых полётов. Его строили для того, чтобы нырять в самое сердце Сновидений и возвращаться обратно целым. Корпус был покрыт тысячами микроскопических сенсоров, каждый из которых мог улавливать малейшие флуктуации коллективного бессознательного. Двигатели, спрятанные в глубине, не толкали корабль вперёд — они «проталкивали» его сквозь ткань реальности, используя энергию мыслей экипажа.

Таксис знал об этом корабле всё. Потому что десять лет назад он участвовал в его испытаниях.

Он помнил, как вручную калибровал гравитационные якоря, которые должны были удерживать судно в реальности, когда всё вокруг превращается в сон. Помнил, как трое испытателей не вернулись из первого глубокого погружения. Их тела нашли в капсулах — живые, дышащие, с открытыми глазами. Но мозг... мозг был пуст. Они остались там, по ту сторону.

С тех пор Таксис не любил Сновидения.

— —

— А помочь не хочешь? — голос раздался за спиной неожиданно, хотя Таксис слышал шаги за сто метров. Старые привычки не умирали.

Он обернулся уже с широкой улыбкой — не смог скрыть нахлынувшей радости.

Элара стояла в трёх шагах, засунув руки в карманы плаща и смотрела на него с нескрываемой улыбкой. Выглядела она почти идеально — ни должность, ни судьба, не смогли украсть её привлекательности. Только тени под глазами и серая кожа выдавали многие бессонные ночи. При этом спина прямая — командирская выправка не пропадает, даже когда внутри всё горит.

Таксис поддержал шутку — погрузкой занимались роботы, с которыми ни один человек не смог бы конкурировать ни в скорости ни в силе:

— Капитан, если прикажете, я готов.

— Элара подошла ближе, встала рядом, тоже уставилась на корабль. — Ты постарел.

— А ты не меняешься.

Она усмехнулась. Коротко, без веселья.

— Помнишь, как мы гоняли пиратов в секторе Тау Кита?

— Помню. — Таксис потёр левое плечо, где под кожей до сих пор пульсировал имплант, заменявший раздробленный сустав. — Ты тогда вытащила меня из горящего челнока. Я должен был сгореть.

— Ты должен был прикрывать мне спину, — поправила Элара. — И прикрывал. Даже когда горел.

Таксис промолчал. Он помнил тот день иначе. Помнил, как орал от боли. Как думал, что умрёт. Как Элара тащила его на себе сквозь разгерметизированный отсек, а вокруг взрывались боеприпасы. Она не бросила. Хотя могла. Должна была.

— Зачем ты здесь? — спросил он прямо.

— Затем же, что и ты. — Элара кивнула на «Кронштадт». — Потому что приказали. Потому что заплатили. Потому что... — она запнулась.

— Потому что дочь, — закончил Таксис.

Элара посмотрела на него. В глазах мелькнуло что-то — боль, злость, благодарность. Она опустила голову.

— Я знаю всё, капитан. — Таксис пожал плечами. — Это моя работа. Я чувствую искажения. Не только пространства. Людей тоже. Ты искажена. С того самого дня, как она впала в кому.

— Не лезь в мою голову.

— Не лезу. Просто вижу. — Он помолчал. — Я здесь потому, что мне тоже есть что терять. Или нечего. Смотря как посмотреть.

Элара ждала

Таксис вздохнул. Говорить об этом не хотелось. Но если они летят вместе, она должна знать.

— —

— У меня была жена. И дочь. Лет пятнадцать назад. Я тогда ещё в военных был, мотался по горячим точкам. А они жили в Улье, в гражданском секторе. Всё было нормально. Пока не случился сбой.

— Какой сбой?

— Коллективный сон. Помнишь, в двадцатых была эпидемия? Люди засыпали и не просыпались. Ни с того ни с сего. Просто падали на улицах, в домах, на работе. Врачи разводили руками. Говорили, нейросети не выдерживают.

Элара помнила. Тогда списали сотни тысяч людей. Списали и забыли.

— Мои тоже уснули, — сказал Таксис. — Обе. Я прилетел через месяц. Они лежали в общей палате, подключённые к аппаратам. Живые. Тёплые. Но их там не было.

— Они очнулись?

— Нет. — Таксис покачал головой. — Через полгода отключили. По протоколу. Я не успел. Был в рейде, связи не было. Когда вернулся... их уже кремировали.

Он замолчал. В горле стоял ком, который он не мог проглотить уже пятнадцать лет.

— Я не попрощался, — сказал он. — Не сказал, что люблю. Не сказал, что виноват. Просто... их не стало. А я остался.

— —

Элара молчала. Она смотрела на него, и впервые за много лет Таксис видел в её глазах не командирскую жёсткость, а человеческую боль.

— Прости, — сказала она тихо.

— Ты не виновата. — Таксис отвернулся, уставился на корабль. — Но теперь ты понимаешь, почему я здесь. Если эта хреновина в Кассиопее как-то связана с комой... я хочу знать. Хочу понять. И если получится... — он сжал кулаки, импланты под кожей засветились тусклым синим, — разбудить.

— Тех, кого уже нет, не разбудить, — осторожно сказала Элара.

— Знаю. — Таксис усмехнулся горько. — Но может, хоть других спасу. Твою дочь, например.

Элара протянула руку и коснулась его плеча. Коротко. Почти незаметно.

— Спасибо

— Не за что. — Таксис отстранился. — Я не ради тебя. Ради себя. Чтобы не сойти с ума окончательно.

—

Они постояли молча, глядя как быстро и слаженно, словно муравьи, снуют роботы-погрузчики. Но мысли обоих крутились возле того, что жизнь устроена очень даже непросто.

— Пойдём, — сказала наконец Элара. — Надо проверить якоря. Твою часть.

— Мою часть я проверил ещё вчера, — Таксис двинулся к трапу. — Но можем проверить ещё раз. Лишним не будет.

Они поднялись на борт.

«Кронштадт» встретил их тишиной и запахом озона — пахло работающими системами, свежей краской и страхом предыдущих экипажей, который вьелся в переборки за годы испытаний. Таксис вёл Элара узкими коридорами, перешагивая через кабели и дронов-погрузчиков, снующих под ногами.

— Якорный отсек, — он толкнул тяжёлую гермодверь. — Сердце корабля.

Они вошли в круглое помещение, в центре которого пульсировала огромная сфера. Матово-серая, покрытая сетью тонких линий, она висела в воздухе без всякой поддержки, медленно вращаясь вокруг своей оси.

— Генератор стабильности, — пояснил Таксис. — Создает поле, которое удерживает корабль в реальности, даже когда экипаж полностью погружён в Сновидения. Если он выйдет из строя...

— Мы не вернёмся, — закончила Элара.

— Именно. — Таксис подошёл к пульту управления, ввёл код доступа. Сфера засветилась ярче. — Я буду сидеть здесь всё время, пока вы будете нырять. Смотреть на показатели. Ловить искажения. Если что-то пойдёт не так — выдерну вас обратно.

— Сможешь?

— Не знаю. — Таксис обернулся. — Никто не знает. Глубинные погружения на таком расстоянии... теория говорит, что возможно. Практика молчит. Потому что никто не пробовал.

Элара кивнула.

— Я доверяю тебе.

— Зря. — Таксис усмехнулся. — Я себе не доверяю.

— —

Таксис быстро проверил все системы по заданному алгоритму. Тестирование показало полную исправность всех элементов, о чём он доложил капитану. Элара удовлетворённо кивнула, затем оба продолжили смотреть на пульсирующую сферу.

Ему вспомнилось другое.

Десять лет назад, когда испытывали прототип «Кронштадта», он сидел в точно таком же кресле. Тогда рядом был техник по имени Коррин. Молодой, весёлый, с вечно взлохмаченными волосами. Они вместе калибровали якоря, пили синтетический кофе, спорили о футболе.

В третьем погружении Коррин не вернулся.

Его нашли в капсуле — глаза открыты, улыбка на лице, пальцы сжаты в кулаки. Мозговая активность — ноль. Он просто... ушёл. Остался там, в глубине Сновидений.

Таксис тогда впервые задумался: а что, если это не смерть? Что, если он действительно нашёл то, что искал? Дом? Покой? Жену и дочь, которые ждали его там, по ту сторону?

Он гнал эти мысли. Но они возвращались. Каждую ночь. Каждый раз, когда закрывал глаза.

— —

Они вышли из отсека, и Таксис закрыл дверь, опечатав её своим личным кодом. Теперь никто, кроме него, не мог войти внутрь. Даже Келл. Особенно Келл.

— Ты ему не доверяешь, — сказала Элара. Это был не вопрос.

— А ты доверяешь? — Нет

— Значит, мы в одной лодке. — Таксис двинулся дальше по коридору. — Пойдём, покажу остальное. Жилые отсеки, камбуз, медблок. И капсульный зал.

— Капсулы уже установили?

— Двадцать четыре штуки. Новейшие модели. С усиленной защитой от обратного сигнала. Келл сам их проектировал. — Таксис поморщился. — Это меня и пугает больше всего.

— Почему?

— Потому что, если он захочет нас там оставить, он это сделает. А я даже не пойму как.

Они спустились на уровень ниже, и Элара увидела их. Капсулы стояли в два ряда — белые, гладкие, похожие на гробы, если не знать их настоящего назначения. Прозрачные крышки были подняты, внутри мерцала гелевая прослойка, готовая принять тело и разум.

— Красивые, — сказала Элара.

— Уродливые, — поправил Таксис. — Это машины для умирания. Не дай бог тебе застрять в Сновидениях навсегда. Я видел таких. Они лежат здесь годами, дышат, сердце бьётся. А внутри пустота.

Элара подошла к ближайшей капсуле, провела рукой по гладкой поверхности.

— Лира лежит в такой же.

Таксис промолчал. Он не знал, что сказать.

— Я вытащу её, — сказала Элара тихо. — Даже если придётся сжечь эту аномалию дотла.

— Ты же слышала Келла. Её нельзя сжечь. С ней можно только поговорить.

— Значит, поговорим. — Элара повернулась к нему. В глазах горел холодный огонь. — Я научусь говорить на её языке.

— —

Они прошли в кают-компанию. Внутри никого не было. Таксис налил себе кофе, предложил Эларе. Она отказалась.

— Ты знаешь Нову? — спросила она.

— Видел пару раз. Странная девочка. Слишком тихая. Слишком... проницательная.

— Она опасна?

— Для кого как. Для нас — возможно. Для аномалии — точно. — Таксис отхлебнул кофе, поморщился — дрянь, но горячая. — Келл говорит, она может слышать голос этой штуки. Как ты думаешь, что она услышит?

— Не знаю. — Элара села напротив. — Но боюсь, что правда нам не понравится.

— Правда никогда не нравится. — Таксис поставил чашку. — Ты готова к тому, что там не окажется никакого ответа? Что твоя дочь просто... заснула? И мы все летим в никуда?

— Нет. — Элара покачала головой. — Я не готова. Поэтому я и лечу.

Таксис смотрел на неё и думал о том, что она изменилась. Раньше она была другой. Жёсткой, но живой. Сейчас в ней было что-то... сломанное. Как в корабле, который прошёл через бой и держится только на честном слове.

— Элара, — сказал он. — Ты не виновата.

— В чём?

— В том, что она уснула. В том, что ты не уберегла. В том, что не смогла её разбудить. Ты не виновата.

Она долго молчала. Потом встала.

— Спасибо, — сказала она. — Но это не поможет.

Она вышла, оставив его одного.

Таксис допил кофе, посмотрел в иллюминатор. Звёзды стояли на месте. Холодные, равнодушные, вечные.

— Ты там? — прошептал он в пустоту. — Ты видишь меня?

Никто не ответил.

— —

Он вернулся в якорный отсек. Сфера пульсировала, наполняя помещение низким гулом. Таксис сел в кресло, подключил нейроинтерфейс к пульту. Импланты под кожей засветились синим.

Он закрыл глаза.

Мир вокруг исчез. Вместо него пришло ощущение — огромное, бесконечное. Он чувствовал каждый шов реальности, каждую трещину, каждую складку пространства. Где-то далеко, на периферии, пульсировала аномалия. Она была как открытая рана — тёмная, глубокая, манящая.

Таксис протянул к ней свои ощущения.

И почувствовал ответ.

Не слова. Не мысли. Что-то другое. Тёплое. Близкое. Знакомое.

Папа...

Он открыл глаза. Сердце колотилось где-то в горле.

— Нет, — сказал он вслух. — Тебя там нет.

Сфера пульсировала ровно. Импланты горели синим. Всё было в порядке.

Но он знал — это только начало.

Глава 4. Естественный дар

Она проснулась от крика.

Собственного крика — Нова узнала бы его где угодно. Этот звук вырывался из горла каждую ночь, сколько она себя помнила. Сначала в приюте, где воспитатели затыкали ей рот кляпом, чтобы не будила других детей. Потом в лабораториях, где учёные снимали показания и говорили: «Интересно, очень интересно, запишите частоту». Потом в одиночестве, когда некому было даже кляп засунуть.

Она села на койке, хватая ртом воздух.

Сердце колотилось где-то в горле. Перед глазами всё плыло. Комната — тесная каюта на «Кронштадте» — была залита тусклым аварийным светом. Рисунки на стенах, её рисунки, казались живыми. Они шевелились, дышали, пульсировали в такт её сердцу.

Сон

Она снова видела тот же сон.

Звезда. Нейронная сеть. Мозг. И голос, который звал её по имени. Не по тому имени, которое значилось в документах — Нова, просто Нова, без фамилии, без прошлого, без будущего. А по настоящему имени. Тому, которое было у неё до рождения.

Имя звучало как музыка. Как шум дождя. Как дыхание матери, которой она никогда не знала.

— —

Она закрыла глаза, пытаясь успокоиться.

Воспоминания нахлынули, как всегда после таких снов.

Ей было пять лет, когда её впервые забрали в лабораторию. Приют «Надежда» — так называлось место, где она жила с рождения. Серые стены, железные койки, запах казённого супа и хлорки. Воспитатели называли её «странной». Она видела то, чего не видели другие. Сны, которые не были её снами. Голоса, которых никто не слышал.

Однажды пришли люди в белых халатах. Сказали, что она «одарённая». Что её ждёт лучшее будущее. Нова поверила. Ей было пять, и она хотела, чтобы её перестали бить.

Лаборатория оказалась чище приюта. И холоднее.

Её подключили к приборам. Заставляли смотреть на картинки, запоминать последовательности, погружаться в капсулу «Сновидений». Она видела чужие сны — страшные, весёлые, бессмысленные. Голоса становились громче. Учёные говорили: «феноменально», «редчайший случай», «природный интерфейс».

Ей было семь, когда она впервые попыталась сбежать.

Её поймали. Посадили в изолятор на трое суток. Свет не выключали, чтобы она не спала. Потому что во сне она становилась опасной.

Нова запомнила это на всю жизнь. Свет, который жёг глаза. Тишину, которая давила на уши. И голоса, которые становились громче, когда она хотела спать.

«Не спи, — шептали они. — Не спи, или мы заберём тебя».

Она не спала трое суток.

Потом учёные поняли, что это бесполезно. Её перевели в другую программу — «наблюдение без вмешательства». Она жила в отдельной комнате, ходила в обычную школу, но каждую неделю приходила на тесты.

Голоса не утихали. Они стали частью её. Как дыхание. Как сердцебиение.

— —

— Ты опять кричала, — раздалось из угла.

Нова вздрогнула. Она не заметила его сразу — человек сидел в кресле у двери, сложив руки на груди, и смотрел на неё. Пожилой, с сединой на висках, в форме медицинской службы. Доктор Келл.

— Как вы вошли? — голос Новы сел, пришлось откашляться.

— Дверь не была заперта. — Келл поднялся, подошёл ближе. — А если бы и была — я главный научный руководитель миссии. У меня доступ везде.

— В мою голову у вас доступа нет.

Келл улыбнулся — тонко, холодно.

— Вы удивлены? Я создал технологию, которая позволяет погружаться в чужие сны. Думаете, я не смогу заглянуть в ваш, даже без капсулы?

Нова сжалась, вжалась спиной в стену. Рисунки за её спиной зашевелились быстрее, складываясь в защитные узоры.

— Не подходите.

— Я не причиню вам вреда. — Келл остановился в шаге от койки. — Наоборот. Я хочу помочь.

— Врёте.

— Не вру. — Он присел на край койки, и Нова почувствовала запах — дорогой одеколон, лекарства, что-то ещё, неуловимое. — Вы уникальны, Нова. Вы — эволюционный скачок. Естественный сновидец, способный проникать в коллективное бессознательное без интерфейса. Таких, как вы, единицы. И все они...

— Что? — Нова смотрела на него в упор. — Все они что?

— Погибли. — Келл сказал это спокойно, будто сообщал прогноз погоды. — Их мозг не выдерживал нагрузки. Слишком много сигналов, слишком много чужих снов. Они сходили с ума или впадали в кому. Вы — единственная, кто держится так долго.

— Мне говорили.

— Говорили, но не объясняли, да? — Келл наклонился ближе. — Я объясню. Ваш дар — не благословение. Это болезнь. Прогрессирующая, неизлечимая. Рано или поздно она вас убьёт. Если, конечно, мы не найдём способ...

— Способ что?

— Вылечить. — Келл выдержал паузу. — Аномалия в Кассиопее — не просто космический феномен. Это источник. Источник той же энергии, что течёт в ваших жилах. Если мы поймём, как она работает, мы поймём, как работает ваш дар. И сможем его контролировать.

— Или использовать.

— И то, и другое. — Келл улыбнулся. — Я не буду врать: вы мне нужны. Без вас мы не расшифруем сигналы. Но и я нужен вам. Без меня вы умрёте. Через год, через два, через пять — но умрёте. В муках, в одиночестве, в палате для буйных.

Нова молчала.

Она знала, что он прав. Чувствовала это каждую ночь, когда просыпалась от крика. Чувствовала, как стены реальности истончаются, как сны просачиваются в явь, как голоса становятся громче. Скоро они заглушат всё.

— Чего вы хотите? — спросила она тихо.

— Сотрудничества. — Келл встал. — Вы будете слушать голос. Переводить то, что он говорит. А я буду следить за вашими показателями и вмешиваться, если станет слишком опасно.

— А капитан?

— Капитан будет командовать. — Келл пожал плечами. — Элара Векс — отличный стратег и пилот. Но в нейробиологии она не понимает ничего. Так что в вопросах, касающихся вашего дара, слушаться будете меня.

Нова смотрела на него и чувствовала, как внутри поднимается знакомая волна — та, что предупреждала об опасности. Келл лгал. Не прямо, не грубо — тонко, в деталях. Он что-то скрывал. Что-то важное.

— Я подумаю, — сказала она.

— Время на размышления ограничено. — Келл направился к двери. — Через тридцать часов мы стартуем. За это время нужно подготовить вас к глубокому погружению.

— Я не полезу в капсулу.

— Полезете. — Келл обернулся. — Потому что без капсулы вы не выдержите контакта. Сигнал слишком сильный. Он сожжёт ваши нейроны за секунды.

— Откуда вы знаете?

— Я уже видел такое. — В голосе Келла впервые проскользнуло что-то человеческое. — На «Солярисе». Там была девушка, похожая на вас. Такой же дар, такая же интуиция. Она отказалась от интерфейса. Сказала, что справится сама.

— И что?

— Она не справилась. — Келл отвернулся. — Тело было целым. А мозг... мозг кипел. Буквально. Температура поднялась до сорока двух градусов за три минуты.

Нова почувствовала, как холодеет внутри.

— Вы хотите меня напугать?

— Я хочу, чтобы вы были осторожны. — Келл открыл дверь. — Вы слишком ценны, чтобы умереть так глупо.

Дверь закрылась.

— —

Нова осталась одна.

Она сидела на койке и смотрела на свои рисунки. Они больше не шевелились. Замерли, будто ждали.

Она перевела взгляд на ближайший — тот, что был в центре стены. Самый сложный. Самый страшный. Он изображал нейрон. Гигантский, пульсирующий, с бесконечными отростками, уходящими в темноту. Она нарисовала его три года назад, когда голоса стали особенно громкими.

Тогда она ещё не знала, что этот нейрон существует на самом деле.

Она встала, подошла к стене, коснулась пальцами линий. Под пальцами что-то шевельнулось — не краска, не бумага, что-то другое. То, что жило в рисунках, реагировало на её прикосновение.

— Ты знаешь, — прошептала она. — Ты всегда знал.

Рисунок пульсировал в такт её сердцу.

Нова закрыла глаза.

— —

В голове зазвучал голос. Не тот, что говорил с ней во сне. Другой. Тот, что был с ней всегда. С самого рождения.

«Ты боишься», — сказал голос. Не вопрос. Утверждение.

— Боюсь, — ответила Нова вслух. — Он прав. Я умру, если не пойму, как это контролировать.

«Он лжёт. Ты не умрёшь. Ты вернёшься домой».

— Домой? — Нова открыла глаза. — У меня нет дома.

«Есть. Там, где всё началось. Где ждут».

— Кто ждёт?

Голос не ответил. Вместо этого перед глазами возникло изображение. Девочка. Маленькая, с тёмными волосами, бледным лицом. Она лежала на белой койке, подключённая к приборам. Мониторы пищали ровно.

Лира. Дочь капитана.

«Она ждёт, — сказал голос. — Она знает. Она видит».

— Что видит?

«Тебя. Меня. Всё. Она там, где мы должны быть».

Нова отшатнулась от стены. Рисунки зашевелились, закружились, складываясь в новые узоры. Нейроны, синапсы, мозг. Тот самый, из снов.

— Что ты такое? — спросила она. — Кто ты?

Голос засмеялся. Тихо, мелодично, как колокольчики.

«Я — ты. Я — всё, что ты видела. Я — сон, который видит сам себя. И ты — часть меня. Всегда была».

— —

Нова опустилась на пол, прислонившись спиной к стене. Рисунки успокоились, замерли.

Она сидела так долго. Минуты складывались в часы. Аварийный свет мерцал, отбрасывая тени на лица, нарисованные на стенах. Её собственные лица. В разных возрастах. В разных состояниях. Спящая, кричащая, молчаливая.

В приюте она рисовала, чтобы не сойти с ума. В лабораториях — чтобы задокументировать видения. Здесь, на корабле, — чтобы доказать себе, что она ещё существует.

Рисунки дышали. Они были реальнее, чем её тело.

Нова посмотрела на свои руки. Худые, бледные, с тонкими пальцами, испачканными краской. Руки человека, который никогда ни к чему не прикасался по-настоящему.

— Я полечу, — сказала она в пустоту. — Я должна.

Голос молчал.

— Но не ради него. Не ради Келла. Ради неё. — Нова кивнула на рисунок, где из пульсирующего нейрона выглядывало лицо девочки. — Ради Лиры.

«Она не одна, — ответил голос. — Там есть другие. Многие. Все, кто когда-либо засыпал. Они ждут».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.